

персонажей — от охотников и собирателей, патриархов и королей до пророков и мудрецов, философов и революционеров, феминисток и активистов, которые призывали их к ответу. Некоторые из этих персонажей будут вам хорошо знакомы, другие — нет, и в этом состоит мой замысел. Ведь главная цель этой книги — посмотреть на привычную идею со стороны и поставить нас, всех людей, лицом к лицу с тем фактом, что равенство старше, пластичнее и неуловимее, чем принято считать, и что наши чувства по отношению к нему более противоречивы, чем мы обычно признаем.

Возьмем для начала широко распространенное предположение, будто равенство — это современная идея, которая была «изобретена» относительно недавно, в XVII и XVIII веках. Например, команда антрополога и археолога, Дэвида Гребера и Дэвида Уэнгроу, в своем недавнем бестселлере «Заря всего. Новая история человечества» с уверенностью утверждает, что до XVII века социальное равенство «просто не существовало как концепции» и что только тогда термины «равенство» и «неравенство» «стали входить в обиход», в основном в результате столкновения европейцев с коренными культурами Нового Света. Другие полагают (и это более общепринятая позиция), что равенство — это изобретение Просвещения или Американской и Французской революций. Американцы, в частности, любят цитировать слова Томаса Джефферсона из Декларации независимости о «самоочевидной» истине, что «все люди созданы равными». Они полагают, что это понятие, безусловно, стало радикально новым и постепенно распространилось по всему миру, пусть даже Джефферсон и другие отцы-основатели не смогли в то время применить его повсеместно⁷.

Однако то, что может показаться поразительным по своей новизне предложением, на самом деле было заезженным клише, общим местом стоической философии и римского права, получившим в конце VI века памятную формулировку в устах папы Григория I Великого. «*Omnes homines natura aequales genuit*», — утверждал Григорий: «Все люди рождаются равными от природы». Подобные строки повторялись на протяжении всего Средневековья, а затем регулярно подкреплялись теоретиками естественного права раннего Нового времени. Если Джефферсон считал равенство всех творений самоочевидной истиной, то во многом потому, что «доказательства» этому приводились неоднократно. Идеи равенства имели долгую и богатую историю до XVII и XVIII веков, и эта глубокая история неизбежно повлияла на их становление в современности, существенным образом сформировав и видоизменив их⁸.

Такова одна из главных тем этой книги, в которой будет сделана попытка прояснить глубокие преемственные связи, формировавшие идеи равенства на протяжении долгого времени и влиявшие на разрывы и разломы между ними. Такая преемственность указывает на другую главную тему книги — постоянное напряжение между различием и одинаковостью в долгой

истории равенства. Здесь важно помнить, что человеческое равенство всегда и неизменно «воображаемо». Сказать об этом — не значит предположить, что равенство — это иллюзия или нечто не вполне реальное, хотя на протяжении всей книги мы будем сталкиваться с такого рода утверждениями. Скорее это значит, что равенство является прежде всего отношением, которое мы создаем в своем разуме, чтобы провести сравнение между несхожими вещами. Начиная с отпечатков пальцев и заканчивая чертами лица, люди столь же различны, как их ДНК, столь же различны, как их надежды и мечты. Не существует двух одинаковых людей. Поэтому утверждения о равенстве неизбежно предполагают абстрагирование от общей характеристики (или характеристик). Философы называют эту характеристику «признаком, положенным в основу сравнения», или *tertium comparationis* — третьим членом сравнения, с которым можно сопоставить два любых объекта, чтобы выявить их общие черты. Число таких признаков обширно: от общей души до общей человечности и общего места рождения, и с течением времени они менялись, отдавая на разных этапах предпочтение религии, разуму, добродетели, полу, расе, возрасту, достоинству, и это лишь некоторые из них. Но для того, чтобы эти точки сравнения приобрели силу, они должны быть приняты членами группы. Только тогда воображаемое равенство становится общей чертой многих умов, частью социального воображаемого, а значит, и общей нормой. Именно так воображаемое равенство становится реальным⁹.

Из этого следует, по крайней мере логически, что равенство абсолютно совместимо с различием и даже предполагает его. Ведь за рамками заявленных членов сравнения — и равных прав или привилегий, которые они предоставляют, — нормой будет разнообразие. У. Э. Б. Дюбуа был как всегда проницателен, когда в 1915 году заметил, что «равенство в политической, промышленной и социальной жизни, которым современные люди должны обладать, чтобы жить, не следует путать с одинаковостью. Напротив... они скорее должны настаивать на своем праве на разнообразие». Равенство, иными словами, — это всегда равенство с определенной перспективы и определенной точки зрения. Это значит, как настаивает один исследователь, что «полное, или абсолютное, равенство — противоречивое понятие». Если бы два человека были равны во всех отношениях, они не были бы равными, они были бы одинаковыми¹⁰.

Сторонники так называемой «политики идентичности» в последние годы вновь применяют эту аргументацию, настаивая на различии равенства. Безусловно, в чем-то они правы. Но если настаивать на этом слишком упорно, то есть риск проигнорировать глубокую историческую связь равенства с единообразием, сходством и одинаковостью. На эту связь указывает само слово, которое в английском языке* происходит

---

* В английском «равенство» — *equality*.

от латинского *aequalitas*, которое, в свою очередь, образовано от глагола *aequo/aequare* — «делать равным чему-то другому». Латынь предлагает нам различные коннотации, но корневой смысл этого слова вызывает в памяти деятельность, практику выравнивания, как это делается при уравнивании двух предметов на весах или выравнивании чего-либо, подобно тому, как это делает плотник, выравнивая поверхность рубанком. Выравнивать в последнем смысле — значит стачивать выступающие части и выпрямлять целое так, чтобы все было равномерным, прямым и сглаженным¹¹.

Такое «выравнивание» — повторяющаяся тенденция в истории равенства, равно как и повторяющаяся проблема. Как отмечает один историк, занимавшийся генезисом демократии в эпоху раннего Нового времени, равенство существует в напряжении между двумя полюсами. С одной стороны, оно может означать «равенство индивидов *как* индивидов, наделенных правами» и отличающихся друг от друга. Но, с другой стороны, оно может обозначать «равенство в смысле *одинаковости*», в котором гомогенность преобладает над гетерогенностью, а индивидуальное разнообразие стирается¹².

Показательно, что в словаре раннего Нового времени равенство регулярно определялось как «соответствие», «единообразие» или «одинаковая степень достоинства». Равный — это «имеющий то же положение и возраст», — показательно объявлял словарь Ноя Вебстера в 1806 году, толкуя равенство как «одинаковость». В более позднем издании 1828 года уточнялось, что равный — это «тот, кто не уступает и не превосходит другого, имея тот же или близкий возраст, ранг, положение, должность, таланты, достоинства и так далее»¹³.

Такие определения отражают старые представления об обществах, устроенных вертикально, в которых «равными» считались те, кто стоял на одинаковых горизонтальных ступенях достоинства на великой лестнице жизни, что было связано, как отмечал Вебстер в 1861 году, с «равенством дворян одного ранга» или «равенством людей на шкале бытия». Но озабоченность одинаковостью только усилилась с появлением демократии и народовластия, а также из-за сопутствующего им вызова, брошенного обществу, основанному на родовой иерархии. Современники Французской революции особенно сильно беспокоились о социальном выравнивании, поскольку некоторые революционеры пытались навязать его силой. В период после революции такие разноплановые критики, как Алексис де Токвиль, Фридрих Ницше и Карл Маркс, жаловались на уравнивательные и гомогенизирующие тенденции как в современной демократии, так и в (вульгарном) социализме¹⁴.

Имя Маркса может показаться неожиданным в этом контексте, поскольку многие сегодня считают, что достижение равенства было главной целью марксизма. Но на самом деле и Маркс, и Фридрих Энгельс были гораздо более критически настроены к равенству и политике эгалитаризма, чем принято считать. Вместе они высмеивали веру в то, что «равен-

ство есть *изначальное намерение, мистическая тенденция, провиденциальная цель*» общества. Их критика способствовала формированию политики двух из самых влиятельных читателей, В. И. Ленина и И. В. Сталина, которые из кожи вон лезли, чтобы изобличить «понятие равенства» как «глупейший и вздорный предрассудок». Стремясь, с одной стороны, оградить свой народ от «грубой уравниловки» и «пустословия о равенстве», они, с другой стороны, силой искореняли различия и инакомыслие. Даже председатель Мао Цзэдун был относительно немногословен, когда дело касалось вопросов равенства. В общем, отношение марксизма к этой идее сложнее, чем принято считать¹⁵.

Отношение марксизма к равенству удивит большинство читателей, но тот факт, что фашисты в Италии и Германии разработали свой собственный язык равенства, скорее всего, удивит их еще больше. Ловко играя на страхе перед разнообразием и наделяя тревоги о статусе психологической силой, они разработали теории равенства как однородной национальной и расовой «субстанции». «Равенство интересно и ценно с политической точки зрения только до тех пор, пока оно обладает субстанцией, — заявлял коронный нацистский юрист Карл Шмитт, — и по этой причине заключает в себе, по крайней мере, возможность и риск неравенства». Он обстоятельно размышлял над этим вопросом, развернув язвительную критику, по его выражению, либерального и социал-демократического отказа видеть в равенстве то, чем оно на самом деле является: языком власти и социального исключения. Во многом опираясь на его мысли, нацистские юристы разработали консеквенциальную правовую теорию «равенства вида», в полной мере используя идею Шмитта о том, что «устранение или искоренение неоднородности» является необходимой задачей для достижения реального равенства. Несмотря на то что исследователи редко изучают их или даже признают факт их существования, подобные правые дискурсы равенства вполне живы и продолжают пользоваться значительной популярностью, из-за чего они тем более заслуживают нашего внимания сегодня¹⁶.

Исторические представления о равенстве, возникающие между конкурирующими полюсами различия и одинаковости, помогают нам выявить напряжение, которое сохраняется до сих пор. Они также показывают, в какой степени равенство как идея проходит через фильтр страстей, вызывая сильные и противоречивые эмоции. Призывы к равенству на протяжении веков вдохновляли жажду признания и отличия, эмансипации и расширения прав и возможностей, принятия и принадлежности как к локальным сообществам, так и к человеческому сообществу в целом. Однако эти призывы вели и к мрачным последствиям, стимулируя враждебность и ресентимент, пробуждая в то же время желание доминировать, подавлять и исключать.

Эта плеяда сложных эмоций указывает на третью сквозную тему моей книги: фундаментально амбивалентное отношение человека к равенству

как таковому. Проще говоря, мы одновременно хотим и не хотим его. Мы хотим, чтобы с нами обращались справедливо, как с равными, чтобы нас признавали и уважали. Но в то же время мы стремимся к отличию, желаем выделяться. Мы крайне склонны присягать на верность тем, кто отличился наиболее успешно, особенно когда это оборачивается (или кажется, что оборачивается) нам на пользу.

Такая амбивалентность почти наверняка имеет эволюционные корни, как я утверждаю во вступительной главе, и что неоднократно отмечали проницательные мыслители на протяжении веков. Но в последнее время именно психологи и социологи, изучающие статус, сделали больше всего для того, чтобы показать, как эта амбивалентность выглядит на практике, и моя работа опирается на их наблюдения. Статусные иерархии спонтанно формируются в любом месте, где люди собираются в группы. Голодные до признания, мы страстно желаем одобрения и похвалы и возмущаемся, когда нам в них отказывают. Но мы также свободно предоставляем их другим в форме знаков отличия, оказывая им почет и уважение, что способствует нашему социальному взаимодействию. Во всех культурах существуют особые грамматические статусы — правила, которые формируют и направляют сложные нормы, — и ни одна из них не обходится без понятия статуса. И его неравное накопление очень часто отражает и усиливает неравенства более конкретных видов, будь то неравенство власти, богатства или доступа к телам других людей. Самые воукистские* академические департаменты, равно как и армия, большие корпорации или страницы в ваших социальных сетях, являются ареной напряженной конкуренции за статус, которая неизбежно затрагивает (и часто подрывает) перспективы равенства для других. Люди — статусные существа *par excellence*** и этот базовый факт определил то, как они представляли себе равенство на протяжении веков, и способствовал развитию противоречивых чувств по отношению к нему¹⁷.

Благодаря этой мысли можно объяснить четвертую главную тему книги: в истории существует огромное разнообразие применений идей равенства, многие из которых едва ли можно назвать эгалитарными. Сегодня мы склонны думать о равенстве в основном как о «протестном идеале», прерогативе левых политических сил и тех групп, которые находятся в авангарде борьбы за расширение границ равенства во имя справедливости. Безусловно, равенство достаточно часто выступало в этом качестве, о чем подробно рассказывается в этой книге. Но полотно истории шире¹⁸.

Приведенные выше слова папы Григория I являются наглядным примером. Ведь, как и римские юристы, на которых он опирался, Григорий

---

* Воукизм (от англ. *woke*) — термин, которым обозначается повышенное внимание к вопросам, касающимся социальной, расовой и половой справедливости.

** «По преимуществу» (*лат.*).

ссылался на равенство в контексте обсуждения рабства — института, который он не собирался оспаривать или менять. В действительности Григорий, будучи папой, сам владел порабощенными людьми, как, к слову, и Томас Джефферсон. На данный момент важно следующее: то, что с современной точки зрения может показаться вопиющим противоречием — все люди созданы равными, но некоторые из них являются рабами, — для папы Григория было вполне логичным утверждением и отправной точкой, которую он использовал для оправдания иерархии и форм доминирования, столь распространенных в мире.

Это лишь один пример из многих, которые помогут прояснить последний аргумент этой книги: некоторые варианты понимания равенства не только согласуются с иерархией и социальным исключением, но и регулярно служат их основой, подкрепляя и усиливая их. Это может показаться парадоксальным, но только из-за путаницы в определении того, чем на самом деле является иерархия. Современные ученые, как правило, мало чем могут помочь в этом вопросе. При своих симпатиях к эгалитаризму они зачастую испытывают дискомфорт при обсуждении этой темы, говоря об иерархии лишь «неохотно и отводя взгляд», как будто это «табу». Когда они все же прибегают к этому термину, то, как правило, используют его в качестве уничижительного, для обозначения чего-то прямо противоположного равенству, как если бы это был простой синоним доминирования или угнетения¹⁹.

Иерархия, конечно, может быть и такой. Но в своей основе она является, с одной стороны, системой распределения статуса и доступа к ресурсам, будь то пища, секс, деньги или власть, с другой — установлением критериев, по которым это распределение должно происходить. Иерархия — это способ поддержания общественного порядка, и как таковая она чаще всего и с удовольствием прибегает к социальным санкциям и наделяет легитимной властью. Действительно, люди не могут жить без иерархий. Они формируются спонтанно даже в очень маленьких группах и неизбежно усложняются и развиваются по мере расширения этих групп, они помогают нам работать вместе и ладить друг с другом. Иными словами, иерархия — это не то же самое, что доминирование (нелегитимная власть), которое в более явном виде основано на угрозе применения силы. Впрочем, грань между иерархией и доминированием часто бывает тонкой²⁰.

Теперь о притязаниях на равенство регулярно говорят для того, чтобы оспорить или сдержать устоявшуюся иерархию. Но эти притязания неизменно несут в себе собственные иерархические установки — представления о том, кто равен, а кто нет, и каким должно быть справедливое соотношение этих двух категорий. Там, где они успешно реализуются, эти представления санкционируют новые способы осмысления и организации социального порядка, то есть новые способы учреждения иерархии. Начиная с афинской